

А.С. Скоробогатов

**ОБЩЕСТВО
КАК ДОГОВОР
МЕЖДУ
СИЛЬНЫМИ
И СЛАБЫМИ**

*Очерки
по экономике
истории*

УДК 330.1:930
ББК 63.3в6
С44

Рецензенты:

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН
Ю. В. Латов;

кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра исследований проблем модернизации
в Европейском университете в Санкт-Петербурге

А. П. Заостровцев

Скоробогатов, А. С. Общество как договор между сильными
С44 и слабыми. Очерки по экономике истории [Текст] / А. С. Скоробогатов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 248 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1714-7 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1696-6 (e-book).

Книга содержит обобщенный анализ экономической теории как инструмента изучения истории. Своеобразие исследовательского подхода автора заключается в том, что метод экономической теории в области истории применяется не только к экономической истории, но и к истории всех сфер общественной жизни. Основная идея состоит в том, что последовательное применение допущения рациональности к истории приводит к положению, согласно которому сравнительное обладание силовыми ресурсами является основным передаточным звеном между личным интересом и действиями рациональных индивидов и групп. В книге демонстрируется влияние этого подхода на формирование гипотез и предсказаний, которые могут быть развиты на его основе в рамках историко-экономических исследований.

Книга адресована преподавателям и научным работникам, специализирующимся в области институциональной экономики, экономической истории и смежных дисциплин.

УДК 330.1:930
ББК 63.3в6

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1714-7

ISBN 978-5-7598-1714-7 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1696-6 (e-book).

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	13
--	-----------

Общая логика неоклассического подхода к анализу функционирования и развития экономики	14
--	----

Неоклассическая теория и исторические реалии	20
--	----

Экономика как универсальная наука	24
---	----

Доиндустриальный и индустриальный миры в классической и неоклассической теориях	28
--	----

Глава 2

НЕСОВЕРШЕНСТВО И НЕОДНОРОДНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ	32
---	-----------

Численность населения, ресурсная база и мальтузианские кризисы	34
---	----

Круг земель и античная цивилизация	41
--	----

Киевская Русь как «гидравлическое» торговое общество	44
---	----

Лесная чаща и Великороссия	53
----------------------------------	----

Глава 3

СИЛОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ФОРМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	61
--	-----------

Расширительное понимание «экономического человека»	61
--	----

Ипостаси «экономического человека» в разных социально-экономических контекстах	64
---	----

Хозяйство как удел слабых.....	67
Распределение занятий между сильными и слабыми в средневековой Руси: торговля	68
Распределение занятий между сильными и слабыми в средневековой Руси: сельское хозяйство и промыслы.....	70
Соотношение хозяйства и прочих сфер общественной жизни в доиндустриальном мире	75
Изменение в распределении силы и экономический рост в Новое время.....	79

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕРАВЕНСТВА СИЛЫ

Иерархия и доступ к организации.....	85
Конвенциональные ожидания, общественный строй и доступность организации	91
Личная диктатура и организационное неравенство	95
Рациональные стимулы при личной диктатуре	102
«Старые диктатуры» царской России.....	107
Ленинская «старая диктатура»	110
Сталинская «молодая диктатура».....	112
Старение и смерть советской диктатуры	123

Глава 5

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ПРОГРЕСС

Взаимосвязь организации и технологии	128
Неполнота контрактов и недоинвестирование	137
Организационное разнообразие и разделение труда.....	145

Использование организации для обеспечения силового потенциала	148
--	-----

Глава 6

ИНСТИТУТЫ И ПОРЯДОК	152
----------------------------------	-----

Аллокативный эффект существования институтов	152
---	-----

Иерархическая классификация институтов	155
---	-----

Культурный контекст	159
---------------------------	-----

Институциональная среда	162
-------------------------------	-----

Сложная взаимосвязь технологических и институциональных революций	167
---	-----

Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм	173
---	-----

Институциональная эволюция от даров и грабежа к обмену	180
---	-----

Глава 7

ПОРЯДОК И ИЕРАРХИЯ	184
---------------------------------	-----

Иерархический порядок	185
-----------------------------	-----

Функциональные и стимулирующие ограничения государства	190
---	-----

Концепция справедливой цены в терминах современной теории	193
--	-----

Господство города над деревней.....	198
-------------------------------------	-----

Капитализм как «сфера посвященных»	202
--	-----

Сильные и слабые при деловых циклах	205
---	-----

Альтернативные «способы производства» и орудия торговли на капиталистической службе	207
---	-----

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ	212
Формы принудительного труда в истории	213
Условия, определяющие экономическую целесообразность принудительного труда	220
Условия, определяющие психологическую приемлемость принудительного труда	231
Рабство в современном мире	238
ЛИТЕРАТУРА.....	241

*Памяти моего отца
Сергея Илларионовича Скоробогатова,
впервые давшего мне почувствовать удовольствие
от широких исторических обобщений*

Предисловие

Настоящая книга содержит обобщенное изложение экономической теории как инструмента изучения истории. Экономическая теория здесь мыслится как универсальная общественная наука, основным отличием которой от других общественных наук является допущение о рациональности как определяющем индивидуальном свойстве для формирования общества. Это допущение рассматривается как основа для выработки экономического подхода к изучению истории, универсального в плане хронологических рамок и географического охвата. Новизна темы, обсуждаемой в книге, определяется редкостью литературы, в которой современная экономическая теория систематически бы использовалась в качестве концептуальной схемы истории. В литературе по аналогичной тематике решение этой задачи связывается либо с полным или частичным отказом от экономической теории как метода анализа истории, либо с ограничением хронологических рамок изучаемой истории пределами индустриальной эпохи.

В тех немногих работах, написанных с неоклассических позиций, в которых затрагивается схожая проблематика, содержанием истории выступает почти исключительно рынок и его благотворное влияние на общественную жизнь. Как раз в таком ключе написана наиболее известная книга этого направления «Теория экономической истории» Дж.Р. Хикса. Другие известные авторы этого же направления — Д. Акемоглу, Дж. Акерлоф, А. Алчиан, Й. Барцель, Г. Беккер, Е. Домар, К. Эрроу — в работах на данную тему, если и ставят задачу, аналогичную поставленной в этой книге, ее решение связывают либо, подобно Хиксу, со сведением доиндустриальной истории к эволюции рыночной экономики, либо с ограничением хронологических рамок изучаемой истории пределами индустриальной эпохи. При этом, в соответствии с эволюционной концепцией Алчиана, развитие общества мыслится как результат естественного отбора в реализации конструктивных возможностей индивидов, социальных групп и институтов, из-за чего индивидуальная рациональность всегда должна находиться

в согласии с интересами общества. При таком подходе игнорируются такие характерные для доиндустриальной истории явления, как мальтузианские кризисы или непроизводительное употребление излишков и, в более широком смысле, систематическое формирование социально-нерационального выбора в результате плохо специфицированных прав собственности.

Учет этих факторов можно найти в неоинституциональной литературе, в которой при сохранении неоклассической методологической основы провозглашается принцип «история имеет значение». Это приводит к идее о зависимости рынка от действия вне рыночных институтов, эффективность которых оценивается с точки зрения создаваемых ими условий для реализации конструктивных возможностей рынка и конкуренции. Соответственно, случаи экономического упадка объясняются отсутствием институтов, которые бы обеспечили конкуренцию и реализацию сравнительных преимуществ. Такой подход применяют Б. Вайнгаст, Л. Дэвис, Д. Норт, Е. Остром, О. Уильямсон, Т. Эггертссон и другие лидеры неоинституционального направления. Отдельные элементы этого подхода детально развиты в теории общественного выбора, в работах Дж. Бреннана, Дж. Бьюкенена, Ж.Ж. Лаффона, У. Нисканена, М. Олсона, Г. Таллока, Р. Уайнтроуба и др., и в теории контрактов, в работах Ф. Агиона, С. Гроссмана, П. Джоскоу, П. Милгрота, М. Спенса, Дж. Стиглица, Ж. Тироля, О. Уильямсона, Е. Фамы, О. Харта, Б. Хольмстрема, К. Шапиро и др.

Эта литература так или иначе служила основой для настоящей работы. Однако в отличие от данных направлений обзор теории истории в этой книге имеет более общий характер за счет того, что в ней, помимо эволюции горизонтальных связей и рыночной экономики, рассматривается силовая конкуренция и связанное с этим формирование вертикальных связей. Эти аспекты я рассматривал, вдохновляясь идеями мир-системного анализа и исторической социологии, развивавшимися в работах Ф. Броделя, И. Валлерстайна, К. Поланьи, М. Финли, У. Сэмюэlsa. Этих мыслителей объединяет акцент на самовоспроизводящемся характере успехов и неудач. Такой подход не противоречит предпосылке рациональности, но открывает возможность ее более широкого применения.

В России существует давняя традиция концептуального осмысления истории. Большую роль здесь сыграло господство в нашей стране марксистской политэкономии, которая мыслит общество как исторически обусловленную структуру. В последние годы популярный в стране институционализм стимулировал обсуждение разных перио-

дов истории с помощью экономической теории, что запечатлелось в книгах А. Заостровцева, Ю. Латова, Р. Нуреева, К. Сони́на. Появился и целый ряд интересных работ, в которых история анализируется с позиций клиодинамики — подхода, ставшего известным в нашей стране благодаря работам А. Коротаева, С. Нефедова, П. Турчина, С. Циреля и др.

Основную идею книги кратко можно сформулировать в виде тезиса о том, что сравнительное обладание силовыми ресурсами является основным передаточным звеном между личным интересом и действиями рациональных индивидов и групп. Обоснованию этого тезиса подчиняется и структура книги. Открывает книгу обобщающий анализ неоклассической теории, на основе которого утверждается, что последовательное применение принципа рациональности позволяет изучать не только современную западную цивилизацию, но и доиндустриальный мир. Исходной предпосылкой здесь оказывается изначальное неравенство возможностей между индивидами и группами, задаваемое различием территории, которую они занимают. Отсюда вытекает неравенство силовых возможностей. Типичный для общества индивид всегда и везде действует в личных интересах. Но, находясь в неодинаковых условиях, рациональные индивиды выбирают разные стратегии достижения своих целей. Личный интерес выражается в общественно полезной хозяйственной деятельности индивидов лишь при отсутствии у них надлежащего силового потенциала. Поскольку люди действуют сообща, разница в силовом потенциале принимает форму неодинаковых организационных возможностей. Отсюда и ограничения доступа к организации со стороны государства, связанные с ограждением высшими своего статуса. Вступая в долгосрочные отношения, люди формируют общество. Как контракт между сильными и слабыми общество приносит выгоды и тем и другим, но эти выгоды распределяются сообразно с силой и статусом.

Для иллюстрации тех или иных теоретических положений я пользовался примерами, взятыми из работ Р. Бина, М. Блока, Р. Блэкберна, Ф. Броделя, П. Бурке, И. Валлерстайна, К.А. Виттфогеля, Э. Гиббона, П. Грегори, Б. Дэвиса, В. Ключевского, И. Кулишера, Т. Моммзена, А. Пиренна, К. Поланьи, В. Розивача, М. Ростовцева, С. Феноальтеа, М. Финли, Р. Фогеля, С. Энгермана и др.

Представляемая книга начала формироваться более десяти лет назад, в процессе чтения мною курсов по институциональной экономике, теории контрактов, новой экономической истории, экономи-

ческой истории России и истории экономических учений. Отдельные блоки книги выходили в виде статей в различных изданиях социально-экономического профиля.

Хотелось бы поблагодарить всех, кто своим заинтересованным участием способствовал написанию и публикации данной книги. В первую очередь это касается коллег по НИУ ВШЭ-СПб: Андрея Заостровцева, Владимира Матвеевко, Ивана Розмаинского, Сергея Слободяна, Владимира Усенко и др. Отдельные разделы книги обсуждались на нескольких конференциях, организованных Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург), на регулярных семинарах, проводимых в Экономико-математическом институте РАН (Санкт-Петербург), а также на выездных семинарах ВШЭ, организованных Русланом Нуреевым. Общение с коллегами на этих форумах помогало мне лучше осмыслить общую канву и отдельные нюансы этой книги. Естественно, что все оставшиеся недочеты и ошибки целиком остаются на моей совести.

Надеюсь, что книга будет интересна тем, кто, как и автор, пытается смотреть на историю как на процесс.

Глава 1 Экономический анализ доиндустриального общества

Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс; поэтому... отдельное лицо [нельзя] считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

К. Маркс

Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом.

Б. Шоу

Входе промышленной революции развивалась не только современная экономическая цивилизация, но и экономическая наука. Время возникновения и расцвета этой отрасли знаний, видимо, способствовало не только развитию интереса к изучению жизни общества с точки зрения его благосостояния, но и тому, что исследовательские усилия были сконцентрированы на изучении самого этого времени. Результатом почти трехвекового развития экономической науки стало построение концептуальной схемы, наиболее пригодной для изучения сформировавшей ее современной западной цивилизации. Такого рода временная и пространственная ограниченность излюбленного объекта исследований в экономической теории придала ей внеисторический характер, сделав экономическую историю одной из наиболее игнорируемых областей.

Однако некоторые историко-экономические идеи, развитые в рамках западной экономической науки, получили определенную известность. Связаны они не столько с экономической историей, сколько с экономикой истории — разработкой теоретической схемы для организации исторических фактов, относящихся ко всем сферам общественной жизни. Это было вызвано, с одной стороны, все большим

осознанием прошлого как кладезя законов, управляющих современностью. С другой стороны, этому способствовала универсализация экономической теории как метода анализа общественных явлений, выразившаяся в том, что в поле ее зрения попали процессы, протекающие как в сфере хозяйства, так и в сфере культуры, политики, социальных иерархий и т.д.

Универсализация экономической науки наметилась с зарождением современной неоклассической теории после маржиналистской революции, в результате которой она вышла за рамки своей традиционной предметной области, связанной с материальным производством, став абстрактной логикой рациональности. Поскольку действовать рационально, т.е. пользуясь наилучшим из возможных способов достижения поставленной цели, человек пытается не только в хозяйственной жизни, экспансия экономической науки в изначально чуждые ей предметные области была логичным следствием такой трансформации ее метода.

Общая логика неоклассического подхода к анализу функционирования и развития экономики

Однако изначально неоклассическая теория развивалась в таких жестких методологических рамках, которые затрудняли для нее изучение реальной истории¹. Речь идет о допущениях, образующих ее «защитный пояс», которые можно свести к характеристикам среды хозяйственной деятельности:

- совершенство и однородность естественной среды;
- совершенство и однородность институциональной среды.

Первое допущение исключает негативное влияние природных факторов и предполагает равенство возможностей, задаваемых территорией. По-другому данное допущение можно обозначить как допущение о постоянной отдаче от естественной среды, означающее, что рост населения не влияет на удельные издержки жизнеобеспечения человека. Дело фактически представляется так, как если бы вся земля была совершенно одинакова в плане выгодности ведения хозяйства и существует в бесконечном количестве. Допущение о нейтральности

¹ Основные разделы данной главы излагались в моей статье [Скоробогатов, 2011б].

территории по отношению к экономике во многом объясняет внеисторический характер экономической теории.

На заре истории экономической науки принималось допущение об убывающем плодородии почвы, которое позволяло учесть разницу в возможностях, проистекающую из различий территории. Предполагалось, что земля, будучи неоднородной по плодородию, может быть соответствующим образом ранжирована и тогда занимающие лучшие участки будут получать чистый выигрыш от преимуществ занимаемого участка. Начиная с Рикардо такой выигрыш от преимуществ в условиях производства обозначается как рента [Рикардо, 1993, гл. 2–3; Блауг, 1994, с. 82–83].

Хотя неравенство возможностей, задаваемых территорией, понималось так узко и увязывалось исключительно с условиями земледелия, этого, вкупе с железным законом заработной платы и теорией ренты Д. Рикардо, оказалось достаточно для построения модели исторического развития. Согласно этой модели, ход экономической истории определяется степенью сельскохозяйственного освоения земли. При наличии некоего запаса земли сохраняется возможность расширения производства и связанной с этим чистой прибыли. Это доставляет трудовому населению некий излишек сверх минимума средств существования, который они, в согласии с железным законом, расходуют на увеличение своих семей, вызывая рост населения и тем самым усиление давления на ресурсную базу. По мере исчерпания земельных ресурсов будут исчерпываться возможности экономического роста и будет приближаться «стационарное состояние» — состояние экономики, исключающее дальнейший рост.

Как на наступление стационарного состояния влияет неравенство в распределении ограниченных земельных ресурсов? Поскольку это неравенство связано с неоднородностью занимаемых разными экономическими агентами участков земли в плане их плодородия, на данный вопрос можно ответить, рассуждая от противного, т.е. допустив однородность земельных участков. Чисто теоретически имеющиеся земельные ресурсы могли бы быть распределены равномерно среди населения в случае их полной однородности по плодородию. Тогда рост населения, вызывая последовательное расширение распашки, не сопровождался бы убыванием плодородия и соответствующим падением нормы прибыли, если отвлечься от возможности дополнительных вложений в уже используемые участки.

Первый результат состоял бы в том, что стационарное состояние наступило бы не постепенно, через падающую норму прибыли,

а внезапно, когда по причине отсутствия возможностей расширения производства, вызванного полным использованием земли, прибыль разом опустилась бы до нулевого уровня. Второй связанный с этим результат заключался бы в исчезновении такого явления, как рента.

Рента, будучи результатом не вклада в производственный процесс, а перераспределения дохода от капиталистов к ее получателям, оказывается дополнительным фактором, подавляющим стимулы к инвестированию. Иными словами, неоднородность ограниченной ресурсной базы вызывает к жизни праздный класс², содержание которого увеличивает давление на нее. Таким образом, стационарное состояние приближается за счет получения частью общества ренты, поскольку последняя усугубляет последствия ограниченности земли, добавляя к издержкам ограниченности ресурсов издержки содержания праздного класса³.

Неоклассическая теория стала развиваться на основе предпосылки об однородности всех используемых факторов производства. Если в ней и принимается похожее допущение об убывающей предельной

² Праздность этого класса не обязательно должна выражаться в том, что его представители не делают явного вклада в производственный процесс, как землевладельцы. Если владельцем земли является капиталист или рабочий, то при наличии соответствующих преимуществ в плодородии одной из составляющих их доходов будет рента, наряду с вознаграждением за обеспечиваемый ими фактор. Поскольку рента не является результатом вклада в производство, она и не создает никаких производственных стимулов и, таким образом, потребление соответствующих ей ресурсов не будет превращаться в дополнительный доход для общества.

³ Откуда берется реальный продукт, получаемый землевладельцами? Его источником является перераспределение, а именно уменьшение доли прибыли; содержание труда остается прежним и не может понизиться по причине пребывания на уровне минимума; значит, возрастающая доля ренты должна проистекать из убывания доли прибыли. Но разве для падения прибыли не достаточно причины в виде роста зарплат? Получается нет. Если бы можно было так устроить, чтобы при вовлечении в оборот новых земель росла цена только продукта этих земель, зарплата бы тоже росла, но не в такой степени, как она растет при росте цены продукта всех земель, как если бы издержки производства выросли на всех землях. Получается так, что издержки производства продукта земли повышаются только на одном участке, а платить более высокую цену приходится за продукт всех земель. Значит, в случае последнего участка более высокая цена представляет собой просто компенсацию более высоких затрат, а в случае всех прочих земель более высокая цена есть чистый выигрыш землевладельцев. Эта более высокая цена возникает за счет вычета из прибыли, но этот вычет мог бы быть меньше, если бы ограничивался лишь компенсацией самому худшему участку, а не поступал бы одновременно в качестве премии всем остальным землевладельцам.

производительности, оно основывается не на разнородности различных единиц факторов, а на их оптимальной комбинации. Это предполагает, что любой фактор производства приносит отдачу в зависимости от его соотношения с используемыми объемами других факторов. Признание однородности всех факторов производства, в частности производственных условий, задаваемых естественной средой, стало основой допущения о равенстве возможностей, так что различие в занимаемой территории, как и в любом другом имеющемся факторе производства, не может выступать в качестве источника особых преимуществ.

Другие два допущения, вытекающие из предпосылки об однородности естественной среды, — постоянный эффект масштаба и постоянная отдача от приобретения и приложения знаний. Влияние природы — естественной среды для приложения факторов производства и технологий — полностью устраняется за счет признания однородности всех ее единиц, вступающих в соприкосновение с используемыми в сочетании с ними факторами производства и технологиями, и, тем самым, их нейтральности.

Совершенство институциональной среды выражается в полноте спецификации и защиты прав собственности и в нулевых (незначительных) транзакционных издержках. Это означает совершенное координирующее и стимулирующее действие относительных цен. Последние содержат информацию о том, что делать, и побуждают действовать в указываемых направлениях, апеллируя к мотиву максимизации полезности. Но здесь речь идет не просто об эффективном функционировании рыночного механизма, а, в более широком смысле, о равенстве частных и социальных выгод (издержек) во всех сферах человеческой деятельности. Всякое действие индивида приносит ему вознаграждение, целиком соответствующее социальному эффекту действия, является ли этот эффект полезным, вредным или нейтральным.

Скажем, равенство частных и социальных издержек рождения детей, приводя к тому, что вся полнота издержек рождения детей ложится на родителей, должно полностью исключить такое явление, как мальтузианские кризисы. Ведь социальные издержки произведения на свет потомства, связанные с перенаселенностью и вытекающими отсюда давлением на ресурсную базу, распространением эпидемий и нарушением социального баланса, полностью учитываются будущими родителями, так что всякое их решение о рождении ребенка будет приносить обществу неотрицательный чистый выигрыш. Другой

пример — равенство частных и социальных выгод инновационной деятельности, которое в силу той же логики с необходимостью должно привести к полной реализации творческого потенциала каждого индивида на благо общества. В результате всякое конструктивное решение, которое может быть найдено и с пользой внедрено, будет вовремя обнаружено и реализовано.

Общество, характеризующееся равенством частных и социальных издержек, будет соответствовать эволюционной концепции А. Алчиана, предполагающей естественный отбор в реализации конструктивных возможностей индивидов, социальных групп и институтов. Чтобы выйти на сцену общественной жизни, требуется победить в конкурентной борьбе. Сама же эта победа с необходимостью указывает на победившую альтернативу как оптимальную для общества, независимо от того, сознает ли это ее носитель.

Еще одним важным следствием этого допущения является отрицательная отдача от сбережений. Хорошо установленные и защищенные права собственности гарантируют сохранность сбережений, а низкие издержки заключения и реализации контрактов должны обеспечить легкость превращения сбережений в надежные долговые обязательства или участие в капитале.

Однородность институциональной среды означает, что индивиды и коллективы действуют в одинаковых институциональных условиях, а именно могут рассчитывать на одинаковую определенность и защищенность прав собственности и одинаковые организационные возможности.

По существу, эти допущения являются идеализированным описанием условий для рациональной деятельности, задаваемых современной западной цивилизацией. Действительно, она характеризуется, конечно, не полной, но беспрецедентной в истории четкостью и защищенностью прав собственности, в результате чего созидательные стимулы стали доминировать над стимулами перераспределительными. Расширение горизонта планирования, вызванное гарантией неотчуждаемости собственности, способствовало развитию ориентации на сбережения и инвестиции вместо безусловно господствовавшей в прошлом традиции проедания излишков. Все это значительно усилило обратную связь между выбором и результатом; именно в таких институциональных условиях стал систематически обнаруживаться естественный отбор, при котором лучшие социальные альтернативы, будь то действующие агенты, схемы поведения или способы организации, вытесняют худшие. Наконец, игнорирование различий в ре-

зультативности между людьми и коллективами, связанных с их территориальным размещением, — игнорирование, отчасти оправданное прогрессом современной индустриальной цивилизации, в которой убывающая отдача от естественной среды компенсируется технологическими инновациями, — предполагает равные возможности для всех. Эти допущения, являясь упрощенным описанием действительности, стали основой анализа западных обществ. Вместе с тем содержащаяся в них идеализация западного мира и тот факт, что западный мир подошел к указанному идеалу ближе, чем любое другое общество в истории, сделали эти допущения также и идеологическим фундаментом современного Запада.

Согласно общей логике неоклассического подхода, основанной на этих допущениях, отправной точкой анализа экономического поведения и развития является проблема ограниченности ресурсов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Она вызывает необходимость рационального выбора при использовании ограниченных ресурсов с целью извлечения из них максимального удовлетворения. Рациональный выбор, помимо всего прочего, предполагает предпочтение большего количества благ меньшему. Отсюда необходимость использования части производимых благ для увеличения производственных возможностей. Стремление человека к увеличению потребления предполагает постоянное расширение капитального запаса, которое требует накопления сбережений.

Согласно модели роста Солоу — Свэна, источником роста является расширение капитального запаса. Поскольку капитал приносит максимальную отдачу при его использовании в определенной пропорции с количеством труда, т.е. при условии оптимальной фондовооруженности, то именно последней задаются пределы расширения капитального запаса. Иными словами, стимулом для инвестиций является относительная редкость капитала, выражаемая значением фондовооруженности ниже оптимального уровня. Устойчивый рост возможен лишь при условии поддержания оптимальной фондовооруженности. Соответственно, если в начальных условиях фондовооруженность является оптимальной, рост возможен при условии действия факторов, снижающих фондовооруженность, — роста населения и технического прогресса, где первый увеличивает редкость капитала, а последний смещает график его отдачи вверх.

Рост населения и технический прогресс могут действовать либо по отдельности, либо в определенной комбинации. Действие отдельно взятого роста населения будет приводить к чисто экстенсивному

росту ВВП, при котором дополнительные потребительские и инвестиционные блага будут распределяться среди дополнительного населения, оставляя фондовооруженность и душевой доход неизменными. И то и другое будет расти при условии действия второго из указанных факторов, стимулирующего инвестиции, — прогресса технологий. Инновация имеет смысл, если отдача от нее превышает отдачу от создания дополнительной единицы известного капитала. При той же фондовооруженности коммерчески целесообразные инновации приводят к повышению отдачи от капитала, обеспечивая его прибыльное увеличение при заданной численности населения, что, в свою очередь, будет иметь результатом интенсивный рост, предполагающий увеличение фондовооруженности и душевого дохода.

Инвестиции, помимо роста населения и технического прогресса, обеспечивающих стимулы к ним через повышение отдачи от капитала, зависят также от наличия финансовых источников, возникающих благодаря образованию сбережений. В модели Солоу — Свэна предполагается, что доля сберегаемого дохода всегда достаточна, чтобы обеспечить расширение капитального запаса, соответствующего устойчивому росту. В развитой на основе модели Солоу — Свэна неоклассической модели роста уделяется внимание стимулам домашних хозяйств к накоплению сбережений, связанным с рациональными соображениями относительно ставки процента и межвременных предпочтений. Однако конечный результат остается прежним: рационально обусловленный выбор доли сберегаемого дохода целиком соответствует темпу расширения капитального запаса, обеспечивающего устойчивый рост.

Итак, сбережения, рост населения и технический прогресс выступают в неоклассической модели как основные факторы роста. Совершенство институциональной среды означает наличие достаточных стимулов к сбережениям и инновациям, а однородность естественной среды — равенство возможностей. Все это означает безграничные возможности экстенсивного и интенсивного роста [Acemoglu, 2009; North, 1981].

Неоклассическая теория и исторические реалии

Как уже указывалось, неоклассическая теория стала теорией именно современной индустриальной цивилизации, важнейшим отличием которой от всех других прошлых или совре-

менных цивилизаций является длительный и интенсивный экономический рост [Acemoglu, 2009; North, 2005]. Экономический рост в западном мире возник лишь на рубеже XVIII—XIX вв., тогда как вся остальная история человеческой цивилизации прошла в условиях нулевого экономического роста. В те редкие периоды доиндустриальной истории, когда некоторое увеличение объемов производства все-таки наблюдалось, оно имело сугубо экстенсивный характер и обычно уничтожалось в последующие периоды экономического упадка.

Неспособность доиндустриальных экономик к длительному росту проистекала из того, что естественная и институциональная среды, в которые они были помещены, обычно не обладали замечательными свойствами, приписываемыми им неоклассической теорией при рассмотрении индустриальной экономики. Естественная среда не только предполагала убывающую отдачу, но зачастую была единственным фактором, определявшим сравнительное благосостояние обществ. Изначальное неравенство возможностей, задаваемых неоднородной естественной средой, как правило, не преодолевалось ни технологическими усовершенствованиями, ни разделением труда в соответствии со сравнительными преимуществами сторон, оставляя завоевание и грабёж единственными способами улучшения материального положения.

Подобным образом и институциональная среда характеризовалась преобладанием размытых и плохо защищенных прав собственности и связанных с этим крайне высоких транзакционных издержек. Типичными атрибутами такой институциональной среды были свободный доступ к редким ресурсам или же коммунальная собственность, а также частный характер ее защиты и, соответственно, высокие издержки этой защиты. Эта несовершенная институциональная среда была еще и крайне неоднородно распределена между индивидами и коллективами, предоставляя блага в зависимости от места коллектива или индивида в той или иной иерархии.

Поскольку в мире прошлого права собственности не имели такого значения, как в современных развитых странах, основой для присвоения и потребления редких благ по большей части являлось право силы. Ориентация на отчуждение результатов чужого труда предполагала наличие созидательных стимулов лишь у слабых и бедных, не имевших сил, чтобы забрать чужое. В таких условиях люди никак не могли ощущать обратной связи между общественно-рациональным выбором в использовании ресурсов и получаемой отдачей, поскольку

ку львиная доля результатов труда, эффективного ли или неэффективного, обходила закрома труженика. Если здесь и проявлялся естественный отбор, то он должен был иметь совсем иной смысл, нежели тот, который предполагал Алчиан в своей знаменитой статье [Alchian, 1950], — победа доставалась лучшим, но в реализации не созидательных способностей, а хищнических наклонностей. Наконец, различия возможностей выживания, обогащения и грабежа, задаваемые территорией и закрепляемые низким уровнем развития, способствуя завистливому сравнению, должны были вызывать желание ограбить соседа, находящегося в предположительно лучших условиях, вместо того чтобы пытаться полностью реализовать хозяйственный потенциал собственной территории.

Информативные сигналы и производительные стимулы, создаваемые несовершенной и неоднородной институциональной средой, обычно были достаточны для производства лишь немногим более минимума средств существования. Те же факторы, которые являются безусловно необходимыми для долговременного роста, — сбережения и инновации — не могли проявляться на систематической основе по причине отсутствия стимулов для них, вызванного размытостью/незащищенностью прав собственности. Излишки сверх минимума если и возникали, то были связаны не с систематическим прогрессом в хозяйстве, а с превратностями климата и урожайности или с успешными грабежами. При этом перспектива грабежа как угроза для слабых и как шанс для сильных должна была одинаково ориентировать и тех и других на непроизводительное употребление излишков. У первых отказ от сбережения излишков в пользу их проедания проистекал из слабой надежды на их сохранение, а у последних — из того, что основой их процветания были не экономические инвестиции, а силовой потенциал. При этом излишки шли не на расширение производства, а на избыточное потребление или образование сокровищ. Инвестиции как способ употребления излишков лишь недавно пришли на смену дотолем господствовавшим проеданию и тезаврации. Что же касается инноваций, то они были отданы на откуп энтузиазму, как правило не имея под собой никакой коммерческой основы.

В силу указанных институциональных несовершенств общественные системы обладали низкой адаптивной способностью. Это проявлялось в длительном сохранении сравнительно неэффективных технологий и форм организации. Присущая несовершенным институтам слабая обратная связь между индивидуальными выборами и

результатами, коренящаяся в огромной разнице между частными и социальными выгодами, не позволяла реализоваться естественному отбору при воплощении конструктивных возможностей. Разница в индивидуальной эффективности не воплощалась в соответственно различающемся вознаграждении.

Кризис того или иного рода обычно является признаком недостаточной способности системы адаптироваться к изменениям. В качестве примера могут служить мальтузианские кризисы — снова и снова возникавшие в доиндустриальном мире социально-демографические катаклизмы, вызванные отсутствием надлежащих институциональных механизмов регулирования рождаемости. Подмеченное Т.Р. Мальтусом регулярно возникавшее несоответствие между численностью населения и локальной ресурсной базой становилось причиной переселений народов и связанных с этим набегов и завоеваний, эпидемий инфекционных заболеваний, голода, нарушений социального равновесия. В отношении последнего следует заметить, что мальтузианские кризисы могут быть результатом невозможности для части населения обеспечить себе не только средства существования, но и уровень потребления, соответствующий их статусу.

Неспособность системы к адаптации к ресурсно-демографическим вызовам была связана с заложенной в ней глубокой разницей между частными и социальными выгодами рождения детей. В традиционном обществе количество людей — основной источник сравнительной силы и, тем самым, благосостояния коллектива. В принятии решений относительно обзаведения потомством именно эти сугубо частные выгоды принимаются во внимание и не учитываются перекладываемые на более крупные человеческие массы социальные издержки, связанные с созданием предпосылок для мальтузианского кризиса, будь то эпидемия, война или всплеск преступности.

Из-за указанных несовершенства и неоднородности естественной и институциональной сред доиндустриальное общество характеризовалось регулярно возникавшими мальтузианскими кризисами, а также отсутствием накопления капитала и инновационной деятельности. Глубокое различие между этими и другими признаками, отличающими доиндустриальное общество от индустриального, и принятие неоклассической теорией признаков последнего в качестве своих базовых допущений означает, что возможности ее применения ограничиваются историей современного западного мира.

Экономика как универсальная наука

Наложённые на себя неоклассической теорией жесткие методологические ограничения позволили ей выработать строгую схему функционирования идеального рыночного хозяйства. Эта схема обеспечивает надлежащую основу для анализа реальной индустриальной экономики, несовершенства и изъяны которой могут рассматриваться как отклонения от теоретического идеала. Однако применение экономической теории для изучения общества в нерыночных сферах жизни, в том числе на доиндустриальной стадии, требует от нее определенного раскрепощения. Жесткие неоклассические допущения должны быть ослаблены. Основная суть экономической теории — принцип рациональности — остается без изменения, позволяя при этом анализировать весь комплекс общественных явлений в течение мировой истории⁴.

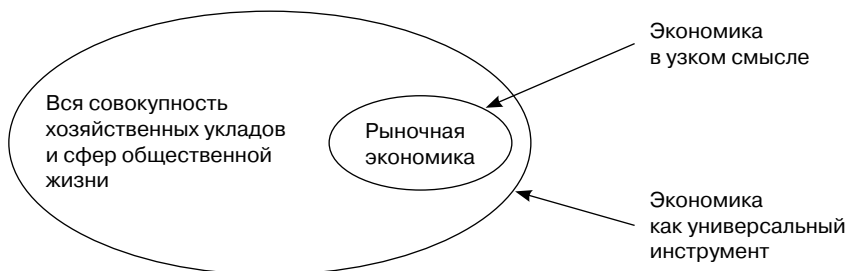
Одним из проявлений такого раскрепощения экономической теории стало широкое применение дилеммы заключенного для экономического анализа социальных процессов. Ее основное положение заключается в том, что индивидуальная рациональность (согласно сюжету дилеммы — стремление каждого из двух поделщиков минимизировать собственный срок) часто может находиться в противоречии с общественной рациональностью (необходимостью минимизировать общий с поделщиком срок). Для экономической науки это революционная идея, если учесть, что на протяжении почти двух столетий после «Богатства народов» А. Смита [Смит, 1993] господствовал взгляд, согласно которому наилучших результатов посредством действия «невидимой руки» общество достигает тогда, когда его типичным представителем является «экономический человек».

Экономическая теория дилеммы заключенного позволяет использовать принцип рациональности для объяснения не только богатства народов, но и их бедности [Olson, 1996]. Индивидуальная рациональность приводит к общественно полезным результатам только при наличии институциональных рамок, задающих ей нужное для

⁴ Причина экономической универсальности емко выражена в следующих словах Р. Хайлбронером: «...большинство, если не все человеческие действия можно объяснить в терминах единой логики, которая накладывает на них свой универсальный отпечаток — отпечаток расчета и оптимального выбора, который и есть “экономика”» [Хайлбронер, 1993, с. 45].

этого направление. Описанные выше предпосылки неоклассической теории, по существу, и сводятся к допущению о том, что таковые всегда имеются и принимают форму рыночной экономики. Подход, развитый на основе идеи «невидимой руки» Смита, в конечном счете стал помещать экономического человека исключительно в институциональные рамки рыночной экономики, направляя эгоистическую энергию в русло общественного интереса.

Необходимое же для анализа всех сфер общественной жизни ослабление этого допущения позволяет посмотреть, как будет вести себя экономический человек в других институциональных контекстах или вовсе без такового. Такую раскрепощенную теорию нередко обозначают термином «экономический империализм», указывая таким образом на охват сфер общественной жизни и институтов, обеспечиваемый за счет универсализации экономической науки (рис. 1.1). Именно подобная универсализация открывает возможность такой экономико-исторической дисциплины, как экономика истории. В отличие от экономической истории, эта дисциплина не ограничивается изучением истории хозяйства, а рассматривает все формы общественной жизни в их историческом развитии. Экономика истории предполагает последовательное применение принципа рациональности при изучении любых механизмов координации и стимулирования, а не только рыночной системы относительных цен, и всех сфер общественной жизни, а не только хозяйства, в их историческом развитии. В соответствии со сформулированным Г. Беккером принципом, как и полагается универсальной общественной науке, экономика истории будет отличаться не предметом (поскольку он включает всё, что составляет содержание истории), а только подходом [Becker, 1993].

Рис. 1.1.

Экономика как универсальная общественная наука

Вероятно, наиболее известный пример теории, которую можно отнести к экономике истории, теория Д. Норта и его разнообразных соавторов. Подобно Смиту, он ставит вопрос: что лежит в основе различий в темпах роста и душевого дохода между странами и эпохами? Наиболее выдающимся примером таких различий является разница между современной индустриальной и доиндустриальной цивилизациями, проявляющаяся, как уже упоминалось, в наличии у первых, в отличие от последних, системного признака в виде быстрого экономического роста. Эта разница проявляется как во времени, так и в пространстве при сравнении индустриальных и доиндустриальных стран, равно как и успешных индустриальных с менее успешными индустриальными странами. Другой яркий пример — разница между античной цивилизацией, обнаруживавшей способность к экстенсивному росту, и многими другими цивилизациями Древнего мира и последующего Средневековья, обладавшими такой способностью в меньшей степени или не обладавшими ею вовсе.

Для ответа на этот вопрос он рассматривает различные стороны общественной жизни в историческом развитии, используя для их анализа принцип рациональности. В качестве отправной точки принимается общая схема А. Смита, согласно которой «богатство народов» определяется глубиной разделения труда. Последняя зависит от размеров рынка, которые можно количественно определить как долю производственных и потребительских благ, приобретаемых на рынке, а не посредством собственного производства. Эта доля устанавливается сравнительными выгодами от торговли, которые Смит связывает с работой ценовой системы. Тем самым он стал родоначальником неоклассического подхода, увязывающего экономическое благосостояние единственно с рынком. На вопрос, вынесенный в заголовок его книги, он отвечает, что в основе богатства народов лежит реализация выгод от торговли и связанной с ней специализации.

Однако остается неясным, почему эти выгоды реализуются не всегда и не везде. В классической и неоклассической теориях ответом на этот вопрос было указание на государство, ограничивающее рыночную стихию и не позволяющее обществу извлечь из нее полные выгоды. Дело выглядело так, как будто имеется два антагонистических института — рынок и государство, где функция первого состоит в обеспечении народов богатством, а роль второго — в том, чтобы помешать первому выполнить свою функцию. Это явно или неявно наделяет государство сугубо перераспределительной функцией, делая заинтересованным в нем часть общества, получающую выгоды не от

конструктивной деятельности, а от извлечения ренты из перераспределения доходов.

В отличие от традиционной теории, Смит не рассматривал рынок как самодостаточный институт, обуславливая его эффективную работу наличием прав собственности. Об этом можно судить по той роли, которую он отвел государству в экономике. Хотя и он осуждает государственное вмешательство в работу рынка, у него предусматриваются также функции государства, являющиеся необходимым условием самого существования рынка. Эти функции сводятся к оборонным и полицейским функциям, а также организации общественных работ. Если предположить, что смысл последней функции главным образом заключается в том, чтобы занять неимущих для ослабления у них стимулов прибегать к грабежу, можно сказать, что все функции, которые, по Смицу, должно выполнять государство в экономике, связаны с защитой прав собственности.

Норт развивает эту мысль, принимая эффективность институциональных рамок для функционирования рынка как переменную величину. Эффективность институциональной структуры определяется качеством оказываемых ею услуг координации и стимулирования; ее следует оценивать по создаваемым ею информационным сигналам и стимулам для экономических агентов. Сигналы должны давать правильную ориентацию в том, что следует делать в рамках общественного разделения труда, а стимулы — поощрять производительную деятельность либо лишать вознаграждения или наказывать тех, кто занят делом, бесполезным или вредным для общества. Экономические последствия выполнения институтами своих функций состоят в том или ином функционировании экономики, которое оценивается по эффективности размещения ресурсов. О последней же судят по таким параметрам, как экономический рост, душевой доход и его распределение в обществе. Выходит следующая схема: права собственности — размеры рынка — разделение труда — размещение ресурсов — общественное благосостояние.

Итак, ответ на вопрос о различиях в богатстве народов Норт предлагает искать в различающихся во времени и пространстве институциональных структурах. Содержащиеся в последних системы сигналов и стимулов различаются тем, насколько они ориентируют и стимулируют индивидов в направлении общественно полезной деятельности. Поскольку торговля и разделение труда создают не только выгоды, но и (транзакционные) издержки, от уровня этих издержек зависит реализация выгод от торговли и специализации. Разные ин-

ституциональные структуры различаются своей эффективностью в плане снижения трансакционных издержек и, следовательно, в обеспечении условий для реализации выгод от разделения труда. Эта эффективность определяется степенью спецификации прав собственности, а в качестве прокси для последней Норт предложил долю трансакционного сектора в структуре экономической деятельности, в который он включает отрасли, специализирующиеся не на создании, а на распределении благ.

В этом контексте может быть истолковано и последовательное доминирование первичного, затем вторичного и, наконец, третичного секторов по мере прогрессивного экономического развития. Оно отражает постепенное увеличение относительной роли организационных аспектов хозяйства по сравнению с чисто технологическими. Это значит, что первичным фактором относительного богатства народов является строение общества, от которого в конечном счете зависит наличие необходимых ресурсов и процесс изобретения и внедрения прогрессивных технологий. И тогда прогресс индустриальной цивилизации объясняется не столько технологическим прогрессом, многие элементы которого имели место и в доиндустриальную эпоху, но не были реализованы, сколько прогрессом в области устройства общества, который сделал такую реализацию возможной.

Доиндустриальный и индустриальный миры в классической и неоклассической теориях

Как отмечалось выше, естественная среда играла ключевую роль в формировании общества и его хозяйственной жизни в доиндустриальном мире. Естественная среда значима и для индустриального мира, и ее игнорирование может быть отчасти оправдано лишь способностью этого мира адаптироваться к недостаткам территорий с помощью того или иного рода инноваций. Поэтому несовершенство и неоднородность естественной среды и связанные с этим несовершенство и неоднородность институциональной среды являются важными предпосылками экономического анализа истории и особенно истории доиндустриальной.

Хотя классическая теория Смита, Рикардо, Мальтуса и Милля и стала первоосновой для современной неоклассической теории, она еще во многом оставалась теорией доиндустриального общества.

Они «мыслили понятиями, характерными для данной исторической эпохи, опыт которой некритически идеализировали и абсолютизировали» [Шумпетер, 1995, с. 118]. Свою цель они видели в открытии объективных законов, которые никак не связаны с индивидуальными предпочтениями, решениями, рациональностью, но целиком и полностью вытекают из условий жизни человека на земле с ее ограниченными пространством и прочими ресурсами. Например, капитал — не более чем излишек средств существования сверх минимума в масштабах всего общества, накапливаемый вследствие наличия еще не использованных пространств, доступных для освоения человеком. Пока мировое население не достигло предельного значения, имеет место этот излишек, аккумулируемый определенным классом — капиталистами — и используемый для целей экстенсивного экономического роста. Как образование капитала, так и его использование для найма дополнительной рабочей силы, по сути, не вытекают из решений отдельных капиталистов: излишек определяется разницей между фактическим и предельным населением, этим же определяется и норма прибыли, побуждающая класс капиталистов делать инвестиции в увеличение человеческого рода. Пока сохраняется излишек, он направляется на размножение человека; когда население достигнет пика, излишка оставаться не будет и не будет роста ни дохода, ни населения. Предложение труда есть просто мировое население, которое увеличивается или сокращается в ответ на изменение количества средств существования, отражающееся в изменениях ставки заработной платы.

Современная теория, как и классическая, постулирует законы спроса и предложения на рынке труда, но объяснение предлагает иное. Население считается заданным и независимым от экономических условий, поскольку считается, что средства существования гарантированы каждому, а размножение не зависит от излишка средств существования. Если доиндустриальный человек, рассматриваемый классиком, озабочен тем, чтобы выжить и оставить потомство, то современный человек, рассматриваемый нынешней теорией, стремится к наилучшему употреблению своей жизни. Ее продление ему гарантировано, и остается только рационально распределить время между работой, доставляющей блага, и досугом, чтобы воспользоваться этими благами. Соответственно, предложение труда растет или сокращается в ответ на рост или падение заработной платы в результате индивидуальных решений, направленных на максимизацию полезности, а не из-за изменения численности населения. Спрос на труд вытекает из индивидуальных рациональных решений уравнивания предельных

продуктов труда и ставок зарплаты, а не из задаваемого мировым населением излишка средств существования. Таким образом, для классиков человеческое поведение жестко детерминировано стремлением к индивидуальному и родовому выживанию, как это имеет место и в мире животных и насекомых, а для современной теории поведение человека определяется его новой социальной природой как потребителя. В обоих случаях все свойства общества выводятся из этих исходных посылок.

Во многом классический подход соответствовал реалиям именно доиндустриального мира. Это был мир с безусловным доминированием аграрного сектора, и, значит, подавляющая часть населения была занята обеспечением пропитания и только очень немногие жили за счет излишка средств существования, создаваемого аграрным сектором. В этом мире имело место исключительно экстенсивное развитие: рост если и происходил, то только за счет освоения новых земель. В то же время, поскольку этот рост был очень медленным, он перекрывался ростом населения, из-за чего регулярно происходили мальтузианские кризисы. Наоборот, индустриальный мир сделал человека потребителем. Сельское, как и прочее, хозяйство приобрело интенсивный характер, что породило быстрый экономический рост, опережающий рост населения. Теперь излишек стал образовываться во все увеличивающемся масштабе, что, обеспечив гарантированное пропитание, превратило человека в потребителя.

Переход от классической к неоклассической теории фактически стал отражением перехода от доиндустриального общества к индустриальному. Предпосылки классического анализа соответствовали отчасти уходящему в прошлое доиндустриальному миру, отчасти наступающему индустриальному. Основными индустриальными предпосылками классической теории стали предположения о всеобщем разделении труда и накоплении капитала — в доиндустриальном мире явлениях, охватывающих лишь незначительную часть населения. Важнейшей же доиндустриальной предпосылкой стало наделение экономического роста двумя такими свойствами, как экстенсивный характер и его ориентированность на рост населения, где первое свойство относится к источникам роста, а второе — к его конечным результатам. В частности, предполагалось, что рост в основном происходит за счет вовлечения в оборот дополнительных ресурсов и, что гораздо важнее, его плоды *целиком* расходуются на дополнительное население.

Индустриальная история Запада отчасти оправдала эти предположения: его развитие в огромной степени зависело от возрастав-

шего потребления ресурсов, откуда острая борьба за колониальные владения, а рост дохода сопровождался демографическим взрывом. Тем не менее в этот период индустриальный мир приобрел такое нехарактерное для предшествующих эпох свойство, как устойчивый рост душевого дохода, означающий, что доход систематически рос опережающими темпами сравнительно с ростом населения. Это стало важнейшим источником интенсификации развития. Ведь если хотя бы часть добавочного дохода не тратится на дополнительное население, она должна использоваться на повышение качества жизни. Рост же, ориентированный не только на увеличение населения, но и на улучшение его жизни, должен способствовать уменьшению удельного веса добывающих отраслей, включая сельское хозяйство, в пользу обрабатывающих отраслей и услуг.

Последние, по А. Маршаллу, в отличие от первых, характеризуются более высокой отдачей от масштаба [Блауг, 1994, с. 373]. Применительно к обсуждаемой здесь теме это разграничение Маршалла означает, что отрасли, в зависимости от того, обслуживают ли они рост населения или рост качества жизни, различаются ресурсоемкостью. Следовательно, чем в большей степени рост ориентирован на повышение качества жизни, тем меньшие требования он предъявляет к ресурсам и, значит, тем больше возможностей он создает для интенсификации.

Тем самым не оправдавшийся в западном мире прогноз Рикардо о наступлении стационарного состояния указывает на возможность двух типов экономического роста, один из которых ориентирован на рост населения, а другой — на повышение качества жизни. Это проливает свет на характер современной индустриальной цивилизации, которая развивалась в соответствии со вторым из указанных типов роста.

Эти наблюдения относительно взаимосвязи между историей общества и историей экономической науки позволяют предположить, что для надлежащего экономического анализа прошлого может быть полезным изучение не только фактов, но и идей прошлого. И это естественно, поскольку теория, вольно или невольно подстраиваясь под современные ей реалии, обычно приобретает склонность распространять свои исторически обусловленные достижения на все предшествующие эпохи. Поэтому прогресс в изучении истории методами экономической науки может потребовать соответствующей модификации ее метода в направлении смягчения или замены ее допущений, аналитическая ценность которых ограничивается лишь современной эпохой.

Skorobogatov, A. S. Society As a Contract between the Strong and Weak. Essays on Economics of History [Text] / A. S. Skorobogatov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2018. — 248 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1714-7 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-1696-6 (e-book).

The book contains a generalized analysis of economic theory as instrument for the study of history. The originality of the research approach of the author is that the method of the economic theory in the field of history is applied not only to economic history, but also to history of all spheres of public life. The main idea is that the consecutive application of assumptions of rationality to history leads to the provision under which comparative possession of power resources is the main transmission link between self-interest and actions of rational individuals and groups. The influence of this approach on the formation of hypotheses and predictions which can be developed on its basis within the historical and economic research is shown.

This book is addressed to lecturers and researchers specializing in the field of institutional economics, economic history and related disciplines.

Научное издание

Скоробогатов Александр Сергеевич

Общество как договор между сильными и слабыми

Очерки по экономике истории

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художник *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *О.И. Ростковская*

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 60×88^{1/16}
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 13,7
Тираж 500 экз. Изд. № 2135. Заказ №

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,
тел.: (8352) 56-00-23